

В МИРЕ творчества

Сегодня начинается XXIV республиканский Месяц театра. На этот раз центром его многочисленных мероприятий станет Хаапсалу.

В преддверии Месяца театра вчера в Тарту открылся фестиваль лучших спектаклей двух последних сезонов. Каждый театр сам выбрал постановку, которую покажет на сцене «Ванемуйне», «Сон в летнюю ночь» и «Буря» Шекспира, «Оборотень» Кицберга, «Сирано де Бержерак» Ростана, «Болото» Лутса, «Срок начальный, срок прощальный» (инсценировка первой части эпопеи Таммсааре), спектакли по пьесам современных авторов Ю. Саара и А. Галина — такова фестивальная афиша. Кроме того, театры республики покажут в Тарту свои постановки, предназначенные для малых сцен. Фестиваль завершится 6 марта.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА ЭСТОНСКОЙ СЦЕНЕ

Более десяти лет наша театральная афиша была бедна классикой. У всех в памяти две давнишние великолепные чеховские постановки режиссера А. Шапиро — «Вишневый сад» в Молодежном театре и «Три сестры» в театре драмы имени В. Кингисеппа. Но в семидесятые годы классика на сценах республики тон не задавала. Если и появлялись спектакли, то, строго говоря, лишь полуудачи, отношение к классическим канонам было скорее отвергающим и истинность классических ценностей подвергалась сомнению — вспомним хотя бы «Чайку» К. Комиссарова или «Дети солнца» М. Карусо.

Происходящие сейчас перемены в общественной жизни отражаются и в театральной картине Эстонии. Хотя, казалось бы, эксперимент на театре благословляет коммерческую волю постановок, вдруг обнаружилась неожиданная и стойкая интерес к классическому наследию. За два последних года на сцене появился целый ряд добротных постановок драматической классики: «Оборотень», «Срок начальный, срок прощальный», «Мизантроп», «Сирано де Бержерак», «Буря», «В ожидании Годо»... В этом проявилась общественная потребность взглянуть в прошлое, выразить новые отношения посредством уже имеющихся моделей.

Симптоматично, что возвращение классики на сцену республики ознаменовалось постановкой «Оборотня» А. Кицберга. На сцене раквереского театра она осуществлена М. Микивером. В Пярну этот спектакль поставил И. Нормет. Каждый из спектаклей имеет свои изыскания и достоинства, но оба они прочтены нетрадиционно.

«Оборотень» — пьеса очень популярная. Особо любима она за образ главной героини Тийны — сильной свободной, которую односельчане подозревают в том, что она — оборотень. На этот раз М. Микивера как постановщика больше интересовало мировоззрение наших предков, неразрывно связанное с природой, их непосредственное чувство всего окружающего, дар надежды, животворящей силой любое дерево, любой предмет. Магическое ощущение своего единства с природой придает личности особую силу.

Разговоры Тийны (К. Тамм) с белочкой и дроздом в лесу, ведовские игры-хороводы, вера персонажей в животворную силу природы, конфликт анимистической и христианской этики, гудя-

щая эхом колокольного перезвона музыка талантливого композитора Л. Сумера — все эти компоненты придают атмосфере спектакля раквереского театра особую напряженность, в них заложена большая, чем обычно в социально-психологическом конфликте, информативность. Режиссер как бы хочет сказать: мир природы богат и чарующ, но как мы порой далеки от него. К сожалению, в постановке неясно решен образ главной героини. Тийна — К. Тамм привлекательна, ее отношения с природой многообразны, но конфликт с крестьянами размыт: непонятно, боятся ли они ее как оборотня или как существо, лишенное рабской психологии. М. Микивер как бы допускает и то и другое, но неясно, что здесь превалирует. И все-таки спектакль оставляет хорошее впечатление, большинство ролей сыграно убедительно, постановка выше среднего уровня.

«Оборотень» в Пярну прежде всего юбилейный спектакль: этой пьесой в 1916 году открылся театр «Эндла». У публики и театроведов нынешняя постановка имела меньший успех, чем раквереская: слишком урезан текст пьесы, актерские работы недостаточно психологичны. Но и у этого спектакля есть свои достоинства: по-своему сильно и интересно в нем раскрыта тема судьбы. Ненависть мызных невольников к Тийне как личности, смеющейся быть иной, чем они, с первых же мгновений рождает противостояние сил. Все убыстряющимся темпом, под нарастающий гул колоколов (снова Л. Сумера) конфликт приближается к трагической развязке. Гибель же Тийны (К. Ниельсен или Ю. Тинтс) рождает не столько сострадание, сколько сопричастность к мысли, что трагедия незаурядной личности определя-

ется законами рабской среды, окружающей ее.

Наибольшим зрительским успехом сейчас пользуется, несомненно, «Срок начальный, срок прощальный» — инсценировка первой книги романа «Правда и справедливость» в тартуском «Ванемуйне». Режиссерская мысль А.-Х. Керге выражена в ней цельно и сильно. Эпопея А.-Х. Таммсааре для эстонцев то же, что «Война и мир» для русских. Инсценировка первой книги эпопеи оказалась удачной. Органично слиты философское противостояние и бытовые сцены, бешеная суматоха и лирическая медлительность. Спектакль панорамный, многослойный. Андреас — образ, в котором символизируется любовь эстонского народа к труду и земле, — в исполнении Я. Тооминга монументален, суров, он самозабвенно бьется за свою Правду, отстаивает свой долг перед землей, хотя в его сверхсерьезной трудовой хватке проглядывается порой некоторая ирония, вызывающая улыбку.

Его антипод Пеару, известный интриган и плут, в исполнении Т. Лиллеорга более симпатичен, чем Пеару бывших постановок. На его стремлении жить легко и радостно лежит примета времени. Но то, что в конце спектакля оба старика, устав от споров и раздоров, на фоне покидающих дом детей одиноко остаются каждый в своем углу, принципиально: пустеет земля, люди уходят в города, исчезает любовь, рвется связь времен, молодое поколение утрачивает память.

Инсценировка первой и пятой частей романа «Правда и справедливость» в Таллинском театре драмы имени В. Кингисеппа — вариант неудачный. История знает немало случаев, когда в угоду настроениям эпохи прославленные произведе-

ния перекраивались (даже «Гамлет» не избежал подобной участи), но такие «перекрышки» по крайней мере должны быть талантливыми. Инсценировщик этого варианта, известный эстонский литератор К. Кург, стремится вынести на сцену «философское ядро» эпопеи А.-Х. Таммсааре. С одной стороны, это понятно: Таммсааре — один из глубочайших наших философов. Но с другой стороны — изрубленность текста, скука, перелицовку характеристик героев оправдать нельзя. Эклектичность этой постановки — пример того, какая классика на сцене не нужна.

«Студия Старого города», которой руководит Эйно Баскин, бесспорно, может гордиться одной из своих работ этого сезона. «Сирано де Бержерак» Ростана, поставленный Э. Баскиным, — одна из лучших постановок этой пьесы в Эстонии. Правда, есть в работе свои недостатки, но спектакль выигрывает благодаря глубоко продуманной и мастерской игре Романа Баскина в роли Сирано. Это не столько история любви некрасивого человека к прекрасной даме, сколько романтическая повесть о поэте, отшельнике, философе, бесконечно пораженном трагической странностью мира. Игра Р. Баскина — легкая, тонкая, ироничная. Любовь его героя к Роксане (Ю. Кальюсте) — трагическое служение идее и идеалу, в противоречивости которого кроется для него высокий смысл. Сирано, участвуя в маскараде жизни, остается гуманистом и, несмотря на весь абсурд существования, верит в любовь. Несостоятельность других героев, опереточность массовых сцен удачно сопутствуют такому герою: в ложном великолепии мира такой Сирано подчеркнута живой.

«Мизантроп» Мольера, поставленный Л. Петерсоном в Молодежном театре, — спек-

такль, несущий печать нашего времени. Хотя герои, одетые в костюмы и парики XVII века, склоняются в глубоких реверансах и не скупятся на красивые жесты, не следует поддаваться иллюзии. Главный герой Альцест (Л. Петерсон) настойчиво стремится обличить изысканности общества, предать их гласности; воплощая в себе совесть эпохи и вызывая насмешки у окружающих... Альцест — Петерсон одновременно серьезен и смел, тонкая ирония актера помогает увидеть, насколько глубоко могут войти в поведение людей конъюнктурность, расчетливость, чиновничество, аморальность. Правда, навязчивая честность главного героя выйдут другой крайностью.

Узнаваемы и другие герои спектакля. Насыщенный, ждущий похвал маркиз Оронто А. Ваарика, уже в силу своего положения желающий, чтобы его признавали как талант; страж общественной морали Архиноя (К. Саукас); Селимена (К. Михельсон), флиртующая с каждым только потому, что так принято; Филинт (С. Луик), искренне советующий Альцесту считаться с обстоятельствами, — все они будто взяты из самой гущи жизни. Боль Мольера за упадок морали в прочтении Л. Петерсона становится неожиданно современной.

Место честного человека в обществе — эта тема волнует и Э. Хермакула, поставившего на сцене Таллинского театра драмы имени В. Кингисеппа «Бурю» Шекспира. Вместе с «Мизантропом» — это одна из лучших классических постановок последних лет на эстонской сцене. Многослойность формы делает ее очень интересной. В «Буре» есть и глубина мысли, и клоунада, есть неразрывность эпики и магии, есть философская обобщенность и политическая острота. Каждый зритель может увидеть в спектакле нечто ему близкое. История Просперо (Э. Хермакула), углубившегося в науки и легковерно утратившего принадлежавшее ему место в обществе и княжеский титул, прихотью судьбы оказавшегося на одиноком острове вместе с узурпатором своих прав, — это не просто театральная сказка, сводящая вместе нецели, казалось бы, несоместимые. Это панорама страстей, человеческих слабостей, поисков истинных ценностей под этим солнцем. В ситуации выбора раскрывается истинное лицо человека, страсть властвовать, изменчивость чувств, муки совести, ожидание любви, готовность к самопожертвованию — все обнажается. Это своеобразная модель мира и взгляд в прошлое, и надежда на будущее. Важно, что в конце концов Просперо отказывается от мести, примиряется с миром.

Важно и то, что Э. Хермакула в «Буре» удалось синтезировать опыт традиционного, психологически достоверного театра с альтернативным опытом театра условного. Достоверно реалистические картины переплетаются с клоунадой, шуткой и театральным волшебством. В своем нынешнем виде «Буря» на эстонской сцене — одна из самых крупных удач последних десяти лет. Есть и другие удачи. Есть новые тенденции. Театр меняется. Главное: театр преодолел застой.

Р. ХЕЙНСАЛУ.

На снимке: сцены из спектакля «Срок начальный, срок прощальный» театра «Ванемуйне».

Фото Ю. Лауметса.